

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ АБСТРАКТНЫХ ИМЕН В ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ (В СИНХРОНИЧЕСКОМ И ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ)

Статья посвящена описанию разноуровневых характеристик абстрактных имен (семантических, морфологических, синтаксических) в их проекции на древнегерманские языки. На основе уточненных признаков абстрактных имен установлена двойственность данного класса лексем как их имманентное качество и предложена стратегия инвентаризации древнегерманских абстрактных имен на основе комплексных разноуровневых признаков.

The author presents an analysis of semantic, morphological and syntactical characteristics of abstract nouns with a view to applying them to old Germanic abstract nouns. It is argued that an abstract noun possesses an inherent feature – double-edgedness – which is manifested on different layers of the language system. The author suggests that old Germanic abstract nouns be identified on the basis of a variety of criteria.

В различных грамматиках и пособиях по древним индоевропейским (и.-е.) языкам часто присутствует замечание о том, что в этих языках можно выделить группу имен существительных, обозначающих с точки зрения современного языкового сознания абстрактные / отвлеченные понятия [СГГЯ 1963; Ильиш, 1958; Brugmann, 1922; и др]. Далее исследователи традиционно описывают группы абстрактных имен в изучаемых языках с точки зрения их принадлежности к определенному типу склонения или наличия отдельных словообразовательных средств, используемых для их образования. Однако во всех справочных изданиях по древнегерманским языкам вопрос о том, на основании каких признаков или свойств происходит включение имен в лексико-грамматический разряд (ЛГР) абстрактных / отвлеченных, остается вне фокуса внимания исследователей и не обсуждается. Создается впечатление, что разряд абстрактных / отвлеченных субстантивов воспринимается как данность, аксиома, признаки выделения которого не нуждаются в пояснении или описании, поскольку мы с «легкостью» можем установить абстрактный характер семантики подобных имен.

Поставив перед собой задачу описания ЛГР абстрактных / отвлеченных имен (АИ / ОИ) в системе именного склонения в трех древнегерманских языках, мы столкнулись с необходимостью сформулировать ясное и объективное определение данного класса имен, которое позволило бы на основе надежных и достоверных критериев идентифицировать АИ / ОИ во всем лексиконе. Как оказалось, решение поставленной задачи высветило дополнительный круг проблем, которые еще предстоит исследовать в отношении АИ / ОИ: правомерность выделения подразряда отвлеченных имен, классификация имен с абстрактной семантикой по степени абстракции, последовательность формирования конкретных и абстрактных значений, присущих некоторым АИ / ОИ и др.

В языковой системе АИ / ОИ занимает определенное положение в словарном составе языка, которое детерминируется лексико-грамматическими формами, свойственными тому или иному языку. Каждое слово как обобщенный знак реального мира всегда наделено свойствами того языка, которому оно принадлежит, поэтому оно всегда маркировано семантическими и грамматическими признаками самой языковой структуры. Вследствие этого любое слово

языка автоматически подпадает под одну из понятийных категорий и при этом оформляется лексико-грамматическими формами, обслуживающими данную категорию в этом языке.

АИ / ОИ в древнегерманских языках относится к классу имен существительных, поэтому обладает категориальными свойствами данной части речи. В этой связи при описании содержания понятия «древнегерманское АИ / ОИ» мы будем учитывать разноразличные признаки, среди которых имеются главные и второстепенные. Главным признаком АИ / ОИ мы будем считать его логическую (понятийную) соотнесенность, которая включает указание на определенную предметно-понятийную область обозначения. Существенным подспорьем при выявлении АИ / ОИ станет также сигнификативный характер составляющих его семантической структуры. В контексте древнегерманской грамматической структуры языка следующим этапом станет одновременный анализ парадигматического и словообразовательного оформления данных имен. Словоизменительные и синтаксические характеристики АИ / ОИ будут учитываться в малой степени в связи с поставленной целью исследования, а именно анализом роли системы склонения в процессе формирования абстрактного словаря. При таком многоступенчатом подходе к описанию лингвистических характеристик АИ / ОИ, на наш взгляд, можно с высокой степенью точности произвести инвентаризацию лексических единиц с абстрактным / отвлеченным значением в языке. Далее кратко рассмотрим особенности реализации разноразличных признаков в системе АИ / ОИ.

1. АИ / ОИ с точки зрения его понятийной соотнесенности

В настоящей работе в основу разграничения понятий «абстрактный» и «конкретный» положен принцип диалектической логики о соотношении абстрактного и конкретного в понятии. Любое понятие содержит в себе и конкретную и абстрактную характеристику, поэтому любое слово языка как единицу языковой системы, служащую для обозначения понятия, представления или какого-либо предмета [ФЭС, 2003. С. 418], нужно рассматривать как диалектическое единство абстрактного и конкретного. Следовательно, любая лексическая единица есть своего рода абстрактная единица в том смысле, что она

возникла благодаря способности нашего мышления к абстрагированию. Однако с точки зрения типа абстракции, активизированного при формировании понятия, выраженного словом, степени абстрагирования и типа обобщаемых объектов мы можем выделить в системе субстантива, с одной стороны, конкретные, а с другой – абстрактные имена. При этом каждый из данных типов имен также обнаруживает стремление к уровневой организации входящих в него единиц по шкале конкретности – абстрактности.

С точки зрения понятийной стратификации словаря под АИ / ОИ следует понимать такие лексические единицы, которые служат обозначениями понятий, относящихся только к области понимаемого, умопостигаемого и не обладающих самостоятельными чувственными образами. К подобным лексемам можно отнести обозначения качеств, свойств, признаков, способностей, состояний, действий, процессов, отношений, характеризующих жизнь, деятельности и результатов деятельности человека и животного, а также описывающих различные стороны неодушевленных объектов. В подобной трактовке АИ / ОИ не включают обозначения вымышленных персонажей народного литературного творчества, мифологических и религиозных существ, а также термины различных метаязыковых систем.

2. АИ / ОИ с точки зрения денотата и референта

Метаязыковой аппарат, используемый при описании АИ / ОИ, предполагает выделение данных имен на основе их денотативной соотнесенности. Традиция определять АИ / ОИ как лексемы, у которых отсутствует денотат в виде «отдельного предмета объективной и непосредственно наблюдаемой действительности», восходит к трудам Г. Пауля [Феоктистова, 1984. С. 6–7]. Сходную трактовку можно обнаружить и в БЭС по языкознанию, в которой Ю. С. Степанов вводит дополнительное свойство АИ, а именно их нереперентный характер [БЭС, 2000. С. 438]. Однако в связи с последними достижениями в разработке теории реперентности следует уточнить содержание основных терминологических обозначений, используемых для определения АИ / ОИ.

Логическое влияние на лингвистическую терминологию отразилось в новой интерпретации ключевых составляющих знака:

«денотату» как объекту в настоящее время соответствует термин «экстенционал» (в логике – область приложения или референции имени), а «сигнификату» как содержанию – «интенционал» (в логике – смысл имени, называющего понятие), которым в русской традиции соответствуют термины «объем» и «содержание» понятия. При таком логически ориентированном описании термин «интенционал» обозначает свойство, данным именем выраженное, а «экстенционалом» называется множество объектов, которое может этим именем обозначаться. Следовательно, в языке у слова должен иметься и интенционал и экстенционал, но слово, употребленное в речи, должно называть конкретный референт, под которым понимается конкретный объект, соответствующий слову, употребленному в тексте [Мечковская, 2004. С. 25]. При подобной интерпретации термин «референт» составляет оппозицию термину «экстенционал» как единичный объект – множеству объектов, и, следовательно, оба термина соотносятся с объектами внешнего мира. Подобный подход вызвал необходимость уточнения понятия «денотат». В современной литературе термин «денотат» чаще всего используется в двух смыслах: 1) как синоним термина «экстенционал», 2) как синоним термина «референт» [Кронгауз, 2005. С. 58; БЭС, 2000. С. 128; Кобозева, 2000. С. 82–83]. В обоих случаях предполагается, что «денотат» – это предмет гипотетический, «объект вообще», который существует только в сознании людей в виде типизированного представления. Поэтому через денотат происходит идентификация референта в конкретном речевом акте.

В этой связи АИ / ОИ следует понимать как сигнификативную лексическую единицу, которая в языке не обладает денотативным компонентом значения и, следовательно, образностью первого типа. Сложность в определении АИ / ОИ тем не менее возникает благодаря «вещной» коннотации данного типа имен. Как известно, в коллективном сознании каждое АИ / ОИ существует в тесной связи с определенным кругом чувственно воспринимаемых объектов, денотативные характеристики которых переносятся на это имя. Языковым проявлением указанного свойства АИ / ОИ является его такая лексическая сочетаемость, как если бы оно обозначало некоторый материальный

объект и в мысленном эксперименте могло быть воспринято как конкретное существительное, обозначающее этот предмет. В результате АИ / ОИ воспринимается как условно конкретное имя, которое обладает денотативным образом, возникающим на основе метафорической сочетаемости АИ / ОИ с другими именами: конкретными существительными, прилагательными, глаголами. Конкретное значение лексических единиц, с которыми сочетается АИ / ОИ, и составляет материальную, вещную коннотацию АИ / ОИ в определенном контексте: *убить время, воспоминания всплывают, видимая причина, разноухать причину, источник радости / печали*. По мнению В. А. Успенского, подобный компактный и синкретичный способ кодирования предметного, материального образа АИ / ОИ есть реализация универсального механизма хранения лексической информации в мозгу человека по аналогии с образами конкретных имен [Успенский, 1979. С. 148]. Учитывая первичность конкретного по отношению к абстрактному, а также последовательность и диалектическую взаимосвязь уровней мышления, с помощью которых процесс познания идет в направлении от чувственного к логическому, не удивительно, что многие абстрактные термины образованы переносом названий конкретных предметов, например, греч. σκεπτικός «скептик» (букв. «рассматривающий»), φύσις «природа» («происхождение, рост»), φαινόμενον «явление» («то, что открылось»), μορφή «форма» (первоначально «форма для литья»), ἁρμονία «гармония» («сцепление») [Шайкевич, 2005. С. 171].

Спецификой употребления АИ / ОИ в древнегерманских письменных памятниках является ярко выраженная тенденция к овеществленному, материализованному представлению абстрактных / отвлеченных понятий, т. е. как аналогов имен физических субстанций, и наделению их видимыми и осязаемыми свойствами. По мнению исследователей [Лурия, 1974; Жирмунский, 1965; Феоктистова, 1984; Гвоздецкая, 1991; Кубрякова, 1991; Чернейко, Хо Сон Тэ, 2001; Левицкий, 2001], для многих слов с абстрактной / отвлеченной семантикой была характерна опора на конкретный образ: например, отождествление эмоции с конкретным предметом, а чувства с его воплощением в делах и их результатах, персо-

нификация какого-то качества или свойства. В этой связи неоднократно высказывалось предостережение о невозможности более или менее адекватного описания значения древнего слова, поскольку в нем совмещались и предметный и обобщенный компоненты значения, границу между которыми провести невозможно.

Рассматривая АИ / ОИ в древних языках в свете вышеизложенных особенностей, можно заключить, что они позволяют их определить как денотатные и референтные имена в контексте письменных памятников.

3. АИ / ОИ с точки зрения грамматических категорий имени существительного

Как представитель класса имен существительных АИ / ОИ обладает следующими разноуровневыми доминантными категориальными характеристиками:

а) на логическом уровне АИ / ОИ обладают категориальным значением предметности; при этом, обозначая свойство, качество или процесс, АИ / ОИ называют их в отвлечении от носителя признака или производителя действия;

б) на морфологическом уровне АИ / ОИ как и все имена существительные выделяются как слова, способные выражать такие грамматические значения, как род, число, падеж, неодушевленность, отчуждаемая / неотчуждаемая собственность; способные употребляться с артиклем как морфологическим индикатором слов этого класса; способные иметь при себе определение, согласованное с существительным в роде, числе и падеже;

в) на синтаксическом уровне АИ / ОИ выделяются как слова, субститутами которых выступают личные местоимения; слова, основной синтаксической функцией которых является роль подлежащего или дополнения в предложении;

г) на словообразовательном уровне АИ / ОИ характеризуются наличием специальных словообразовательных аффиксов.

Опираясь на вышеперечисленные категориальные лексико-грамматические свойства имени существительного как класса, рассмотрим своеобразие проявлений этих свойств в АИ / ОИ.

Выделив семантические группировки в структуре класса имен существительных, лингвисты обратили внимание и на семантическую гетерогенность образований, входящих в состав абстрактной лексики, что

повлекло за собой попытки классифицировать элементы данного ЛГР. Наиболее раннюю классификацию мы находим у К. Бругмана [Brugmann, 1922. S. 340], который делил все абстрактные имена на «*eigenschaftbezeichnenden Substantiva*» и «*tätigkeitbezeichnenden Substantiva*», т. е. имена, обозначающие качества, и имена, обозначающие действия. Обзор более поздних работ, посвященных данной проблеме [Вердиева, 1986. С. 106–110; Русская грамматика, 1980. Т. 1. С. 462; Уфимцева, 1986. С. 130; Чернейко, 1997. С. 5–6; Schmidt, 2000. P. 4–6], позволил установить, что с точки зрения обозначаемых понятий все лексические единицы, входящие в состав ЛГР абстрактных / отвлеченных существительных, распределяются по нескольким понятийным сферам, что свидетельствует о широком спектре важных умопостижимых явлений нашей жизни, «увиденных» человеческим разумом и закодированных средствами языка. Как известно, объективация определенных смыслов в языке имеет место только тогда, когда для сознания народа эти смыслы являются биологически, социально и культурно значимыми, т. е. словообразовательному маркированию подвергается только то, что оказывается значимым для носителей языка.

Судя по описаниям словарного состава древних языков [СГГЯ, 1963; Ершова, 1969; 2002; Вендина, 2002; и др.], весь их лексикон организован вокруг центральной темы – человека, являющегося, с точки зрения христианских позиций, центром мироздания. Человек, созданный по образу и подобию Божьему, был ценен именно как социальная и духовная личность, поэтому в лексиконе древних языков значительной детализации подверглись четыре ипостаси человека: существа, облеченного властью, молящегося, возделывающего в поте лица свой хлеб и воюющего. При этом особое внимание уделялось описанию духовности человека, его эмоциональных состояний и его разумности, способности к пониманию и осмыслению мира. У средневекового мыслящего человека в фокусе внимания оказывался не столько окружающий материальный мир, сколько мир идеальный, мир понятий и представлений о себе, о жизни, ее смысле, ценностях и идеалах. Именно поэтому в словарном составе древних языков христианской культуры обнаруживается значительная словообразо-

вательная проработанность понятий идеального мира: добра и зла, жизни и смерти, истины и мудрости, греха и добродетели, страдания и спасения и др.

Как показали исследования ономастической структуры слов в и.-е. языках, абстрактная лексика как особый объемный семантический разряд имен существительных представляет собой самостоятельную категориальную систему в словообразовательном отношении, в которой отчетливо выявляются структурно-семантические особенности словообразовательных средств и моделей АИ / ОИ, хронологическая последовательность возникновения, степень их продуктивности и связь употребления определенных словообразовательных средств с конкретными типами производящих основ.

Во всех и.-е. языках морфологическая структура АИ / ОИ характеризуется наличием в разных соотношениях корневой, префиксальной, суффиксальной морфем и основообразующего элемента (= суффикса) [БЭС, 1998. С. 59]. При всеобщем делении лексики на непроемную и произмую основную фонд абстрактного словаря составляют производные имена, а небольшой процент корневых, непроемных имен относится к исконному слою словарного фонда, иногда восходящему к общеиндоевропейскому языковому состоянию. Все единицы вторичной номинации (комплексы) – это классы номинативных единиц, образуемых по особым правилам, надстраивающиеся над симплексами (термины Е. С. Кубряковой [1988]), или возникающие на их базе. Симплексы, служащие основой для образования производных существительных с абстрактным / отвлеченным значением, как правило, относятся к классу имен прилагательных и глаголов.

В обзорах германских языков [Языки мира, 2000; СГГЯ, 1963] отмечается, что основными способами словообразования имен существительных как в современных, так и древних германских языках являются аффиксация и словосложение. Маргинальные способы словообразования включают аблаут, безаффиксное словопроизводство и образование сложносокращенных слов с предметным значением. При этом отмечается, что словообразовательные аффиксы в указанных языках относят дериват к определенной семантической группе в рамках данной части речи. Поэтому в грамматиках древних и со-

временных германских языков словообразовательные аффиксы сгруппированы согласно их значениям и закреплённости за отдельными производящими основами.

Наиболее важным и распространенным средством словообразования АИ / ОИ в готском, древнеисландском и древневерхненемецком языках была названа суффиксация, при этом среди морфем, обладающих словообразовательной функцией, были выделены суффиксы и основообразующие элементы.

Словообразовательные суффиксы АИ / ОИ отличались большой вариантностью в отдельных германских языках. Все суффиксальные модели в древних германских языках распределялись по четырем группам: а) германские модели, продолжающие продуктивные и.-е. модели в том же качестве, например, *ti-Abstrakta*; б) германские модели, сохраняющие и.-е. модели в свернутом виде, например, *tu-Abstrakta*, *ni-Abstrakta*; в) германские модели, сохраняющие и.-е. модели со значительными преобразованиями, например, варианты и.-е. суффиксов **-ti-* или **-ni-*; г) германские инновации, например, модели со вторыми компонентами, образованными из самостоятельных лексем, типа *-hād*, *-dōm* [СГГЯ, 1963. С. 83].

На этой основе в «Сравнительной грамматике германских языков» [Там же. С. 95] была предложена относительная хронология суффиксальных АИ / ОИ в древнегерманских языках. Согласно результатам исследований, к наиболее древней группе относились существительные, образованные при помощи основообразующих суффиксов за исключением суф. *-īn-*. К этому же периоду могут быть отнесены производные с и.-е. суффиксами **-ni-*, **-ti-*, **-etā-*. За ними в языке появились имена с суффиксами *-eini-*, *-aini-*, *-ōni-*, *-ōru-/odu-*, *-assu-*, *-inassu-*. Еще позднее в силу вступили суффиксы *-ingō-/ungō-*. С развитием слабого склонения в общегерманском широкое распространение получили производные с суффиксом *-īn-* [Там же. С. 95].

В дополнение к этому, была установлена связь словообразовательных суффиксов с производящими основами в германских языках. Так, к суффиксам отглагольных производных относились основообразующие суффиксы *-a-*, *-i-*, и.-е. суф. **-ti-*, **-ni-*, **-tu-* и их варианты, герм. суф. *-ingō-/ungō-*. От прилагательных АИ / ОИ создавались при помощи основообразующих суффиксов

-ōn-, -ja-, -īn-, в готском также при помощи суф. -īþa-/ -ida-, -duþ- [СГГЯ, 1963. С. 96]. Помимо выше обозначенных суффиксов в каждом отдельном древнегерманском языке существовали и менее продуктивные словообразовательные суффиксы, например -sl-, -tī-, -m- и др. В качестве отличительной особенности древнегерманского словопроизводства отмечается и существование суффиксальной синонимии в области производных со значением *abstrakta*.

В качестве второго по значимости способа образования новых слов ученые называли префиксацию, однако вопрос о времени ее появления в и.-е. языках до сих пор остается открытым. По мнению исследователей, источником префиксальных морфем служили предлоги и наречия, а также препозитивные частицы. По мнению германистов [Там же. С. 64–65], префиксация в древнегерманском именном словообразовании играла меньшую роль по сравнению с глагольным. Собственно префиксальные производные существительные образовывались от существительных, а отадективные и отглагольные префиксальные существительные являлись вторичными производными от префигированных глаголов и прилагательных.

Третьим способом образования абстрактных имен в древнегерманских языках было названо словосложение, которое, будучи свойственным всем и.-е. языкам, получило особую продуктивность в германской ветви.

Детальное исследование формирования системы словообразовательных средств для оформления существительных с абстрактным значением качества, свойства в древнегерманских языках [Аринштейн, 1988] показало, что этноспецифические особенности мировосприятия древних германцев эпохи язычества, на базе которого осуществлялась христианизация населения, обусловил сосуществование в древнегерманских языках как старых, так и новых, зарождающихся моделей словообразования АИ / ОИ. В связи с тем, что на более раннем этапе истории древнегерманских языков ИС обладало большей качественностью и оценочностью, то отвлеченные значения не были резко отграничены от конкретных и могли быть выражены прилагательными в синтаксической позиции и значении существительного (субстантивированное

прилагательное). Как правило, подобные лексемы обозначали совокупное качество, употреблялись с артиклеобразным местоимением и имели форму среднего рода. Узуальный характер употребления субстантивации прилагательных этического содержания привел к вовлечению их в парадигму существительных а-основ. С распространением христианства древнегерманские языки создали специальные словообразовательные модели для обозначения абстрактных понятий. Если первоначально функцию словообразовательного средства АИ / ОИ со значением качества могла выполнять парадигма в целом, как, например, īn-основные ИС женского рода в готском, древневерхненемецком и древнеисландском, то позднее в этих языках мощное развитие получила суффиксация. В древнегерманских языках новые словообразовательные суффиксы возникали на базе вторых компонентов сложных слов и на базе отдельных и.-е. суффиксов. Так, наиболее древней была модель отыменных производных с суффиксом *-īþō-/ -idō-, постепенно утратившая свою продуктивность. Особую роль в развитии древнегерманской словообразовательной системы АИ / ОИ сыграли корневые морфемы в качестве вторых компонентов сложных слов, которые позднее были переосмыслены как суффиксы. Если для готского такой тип словообразования вообще не был характерен, то в древнеанглийском, древнеисландском и древневерхненемецком он получил широкое распространение: днв. *-xaid, да. *-skapi, ди. *leikr.

Кроме того, было установлено, что все окказиональные и узуальные модели АИ / ОИ обнаруживали тенденцию к максимальной словообразовательной четкости, что проявлялось: 1) в развитии новых словообразовательных суффиксов, которые отчетливо выделялись в составе слова, и в вытеснении старых суффиксов, формально слабо или совсем не выделяющихся в слове; 2) в появлении составных и контаминированных словообразовательных формантов; 3) в унификации словопроизводства АИ / ОИ посредством суффиксации, особенно в древнеанглийском языке [Логутенкова, 1984].

При анализе системы словообразовательных формантов ЛГР АИ / ОИ в древнегерманских языках следует, на наш взгляд, особое внимание обратить на основообра-

зующие суффиксы как на наиболее древние морфологические маркеры семантических классов имен. Если в структуре и.-е. именных основ данные элементы представляли собой четко выделяемые структурные единицы, то в западногерманских и скандинавских языках их выделяемость была уже утрачена к эпохе создания письменности [СГГЯ, 1963. С. 18–19]. Только готский язык до определенной степени сохранил устойчивое трехморфемное строение именных основ [Там же. С. 24].

Словообразовательная функция основообразующих суффиксов не раз становилась предметом исследования в лингвистических работах и ее интерпретация была очень различна. В настоящее время считается, что словообразовательная функция основообразующих суффиксов была знакома древнегерманским и другим и.-е. языкам, и их специфика заключалась в использовании для образования определенных лексических разрядов производных – абстрактных имен и имен действующего лица [Там же. С. 74], а также для выражения более узкой семантики в синонимичных словообразовательных рядах [Пименова, 1998; Pimenova, 2000a; 2000b].

Таким образом, обобщая данные ономастического анализа абстрактной лексики в древнегерманских языках, можно заключить, что словообразовательные элементы данного ЛГР активно формировали словообразовательную категорию АИ / ОИ. Это означает, что в древнегерманских языках происходило структурное обособление категории АИ / ОИ и создание целостного аппарата для ее построения. Предпочтение среди номенклатуры средств словообразовательной категории АИ / ОИ было отдано суффиксам, хотя словосложение как способ образования имен с абстрактным значением также получило в древнегерманских языках особый статус. Развивая старые и.-е. суффиксальные модели и часто их существенно модифицируя, древнегерманские языки шли по пути формирования максимальной семантической выразительности суффиксов, их однозначности и фонетической устойчивости. Данная тенденция способствовала тому, что в древнегерманских языках все чаще нарушалось закономерное соединение определенных суффиксов только с отдельными видами основ и приводило к

нарушению дифференциации отыменных и отглагольных производных. Кроме того, класс словообразовательных суффиксов АИ / ОИ в древнегерманских языках существенно пополнялся и за счет вторых компонентов сложных слов, благодаря частотности их употребления, широкой сочетаемости с различными основами и наличию обобщенного грамматизованного значения (о причинах ограниченности данного явления см. [СГГЯ, 1963. С. 126]).

Таким образом, в процессе выделения АИ / ОИ в древнегерманских языках важно обращать внимание на словообразовательную оформленность слова, а именно на наличие определенных суффиксальных элементов, а также на парадигматический тип таких лексем, поскольку в древних германских языках были созданы специальные типы основ (eīn-основы ж. р., i-основы ж. р.) для передачи абстрактных / отвлеченных значений.

Еще одной несомненной приметой морфологического обособления АИ / ОИ стала их избирательность в отношении грамматического рода и числа, поэтому далее обратимся к обсуждению вышеозначенных категорий.

Согласно нашим наблюдениям, в готском языке АИ / ОИ представлены существительными всех трех грамматических родов при значительном численном перевесе абстрактных существительных ж. р. Все имена существительные с абстрактным значением в готском языке обладают полной парадигмой, т. е. изменяются по числам (ед. и мн.) и падежам (Им., Род., Дат., Вин., некоторые Зват.). В древнеисландском и древневерхне-немецком картина распределения АИ / ОИ по грамматическим родам существенно не отличается от готской и обнаруживает расхождение только в численном отношении. Однако категория числа у АИ / ОИ в древневерхне-немецком и древнеисландском проявляет себя не столь единообразно: если в двн. АИ / ОИ не изменяются по числам, то в ди. они засвидетельствованы в формах как ед. ч., так и мн. ч.

Судя по новейшим публикациям, в которых обсуждается проблема генезиса родовых классификаций в и.-е. языках и отдельных грамматических родов [Маньков, 2004; Unterbeck, 2000], вопрос о родовой соотнесенности АИ / ОИ и их отношении к катего-

рии числа необходимо рассматривать в совокупности.

	Всего слов	Ж. р.	М. р.	Ср. р.
Готск.	550	402	56	92
Ди.	5 993	2 802	1 322	1 869
Двн.	1 969	1 368	340	262

В рамках исследования вопроса о мотивированности грамматической категории рода было установлено, что «родовые классификации складывались первоначально на основе первичного противопоставления по полу с последующим присоединением вторичных противопоставлений по различным качественным признакам предметов» [Аксенов, 1984. С. 23]. К числу последних в и.-е. языках относились логические категории качества и количества, которые нашли свое языковое выражение в тесном и сложном переплетении: в противопоставлениях по полу, личности / неличности, одушевленности / неодушевленности усматривается грамматическое выражение логической категории качества, а в противопоставлениях по единичности / множественности, единичности / совокупности, увеличительности / уменьшительности – логической категории количества. При этом выражение количественных отношений средствами грамматического рода в и.-е. выступает как явление более позднего порядка, так как оно наложилось на уже сложившуюся родовую классификацию ИС [Там же. С. 22].

Среди многочисленных теорий о генезисе родовой классификации и.-е. языков (обзор см.: [Виноградов, 1990]) обнаруживается и иная точка зрения на последовательность выражения категорий качества и количества при формировании системы родов. Так, К. Бругман впервые высказал мнение о том, что у и.-е. суффиксов *-ā-* и *-ei-* (*-i-*), традиционно ассоциирующихся с ж. р., значение «женскости» является вторичным по отношению к значениям собирательности и абстрактности [Brugmann, 1897. P. 23–26], которые семантически тесно связаны, так как в процессе семантической генерализации абстрактность порождает собирательность. Не получив широкого признания, данная идея была на время забыта, но спустя полвека получила дальнейшее развитие в работе В. Лемана [Lehmann, 1958]. Он предположил наличие в праиндоевропейском такой ранней именной классификации, которая включала три суффикса, каждый из

которых обладал собственным значением, связанным с категорией числа: **-s* (индивидуализирующая характеристика), **-m* (результативность или стативность), **-h < *-ah* (собирательность).

Обратившись к еще более древним этапам существования данных суффиксов, А. Е. Маньков предложил авторскую концепцию их участия в становлении родовой классификации в и.-е. языках [Маньков, 2004] на основе реконструкции развития праязыка. Согласно его точке зрения, в праиндоевропейском сформировались два парадигматических класса имен – одушевленные и неодушевленные, которые имели фиксированные показатели для выражения признака одушевленности / неодушевленности в позициях субъекта и объекта при активных и пассивных глаголах. Разделение одушевленного класса на две парадигмы в праиндоевропейском было вызвано исчезновением грамматической категории раздельного ~ собирательного мн. ч. и использованием показателя, выражавшего собирательность, в качестве форманта женского пола. Показатель, выражавший одушевленность (недифференцированную в отношении пола), стал показателем мужского пола. В результате денотатам имен, которые мыслились как одушевленные, приписывались мужской или женский пол, тем самым превращая род в грамматическую реализацию понятия пола [Там же].

В свете вышеизложенной теории определенный интерес представляют исследования Е. Лайс, [Leiss, 1994], которая проанализировала связь категории грамматического рода с категорией числа и, опираясь на фактический материал древневерхненемецкого, установила категориальные значения трех грамматических родов, согласно которым древневерхненемецкие существительные выбирали род: м. р. – исчисляемое – *singulative* (единичность), ср. р. – неисчисляемое – не обладает категорией числа, ж. р. – собирательность – *non-distributive plural* (неразлагаемое множество).

Позднее было обнаружено, что в ЛГР абстрактных существительных современного немецкого языка абстрактные имена распределяются по той же модели.

Примечательно, что взаимосвязь рода с семантикой исчисляемости / неисчисляемости прослеживается и в других языках с родовыми классификациями [Unterbeck, 2000]. Однако количественное значение родов при

этом может разительно отличаться. Например, в шугнанской группе иранских языков женский род выражает отдельное и единичное, а в значении собирательного или общего понятия слово переходит в мужской род [Аксенов, 1984. С. 18].

Как уже было отмечено, АИ / ОИ в трех исследуемых древнегерманских языках представлены существительными всех трех грамматических родов. Их отношение к категории числа отличается определенным своеобразием, которое заключается в ограничении использования форм мн. ч., а также в согласовании со сказуемым, стоящим преимущественно в форме ед. ч. [Олейник, 1986]. Подобное избирательное поведение лексики с абстрактным значением, вполне возможно, было вызвано неоднозначностью семантики самой категории числа.

Дело в том, что грамматическая категория числа ИС была теснейшим образом связана со словообразовательной, деривационной функцией. Например, АИ в формах ед. и мн. ч. могут обнаруживать качественные различия, непосредственно затрагивающие лексическое значение слова: англ. *work* «работа» (неисчисляемое) – а *work* «работа» (исчисляемое) [Гулыга, Шендельс, 1969. С. 5]. «Противопоставление по числу для всего множества ИС является факультативным, а потенциально возможная форма множественного числа связана со сдвигом значения в сторону его конкретизации» [Ревзин, 1978. С. 179, 185]. Будучи логической (когнитивной) категорией, число ведет себя активно в процессе отражения действительности и специфически организует свое представление в языке, выявляя разное отношение к ней со стороны отдельных ЛГР ИС. Поскольку множественность тесно связана с чувственным восприятием мира («форма множественного числа заставляет мыслить об объектах в контексте их реального существования» [Ревзина, 1988. С. 73]), то физический видимый дискретный мир не только количественно измерим, но и считаем (яблоко – яблоки), физический видимый недискретный мир измеряем (сыр – много сыра). Физический невидимый недискретный мир (чувственный мир) и нефизический невидимый недискретный мир (мир идеальный, умопостигаемый, невещный, бестелесный) по-разному проявляют

себя по отношению к идее числа, и в этом полнее открывается семантика самих существительных, обозначающих эти миры, – АИ / ОИ. По мнению Л. О. Чернейко, которая не считает, что АИ и ОИ образуют единый ЛГР, оба типа имен избирательно подходят к возможности использовать форму множественного числа. В тех случаях, когда семантика слова предполагает его выведение из пространственно-временного континуума, лишает его актуализированной связи с действительностью, отрывает от всех возможных носителей, АИ / ОИ не обладает формой мн. ч.: щедрость, престиж, грубость, слава, благородство. Но как только АИ / ОИ (или их лексико-семантические варианты) мыслятся по аналогии с физическими дискретными объектами, локализованными в пространстве и времени, они способны иметь форму мн. ч.: свободы (отсутствие стеснений и ограничений на какую-либо деятельность), слухи (ничем не подтвержденные известия), радости (поводы для указанного состояния), впечатления (следы, оставленные в памяти чем-то пережитым), привилегии (источники материального блага, льготы) и др. При этом наблюдается усиление отрицательной коннотации у АИ / ОИ в формах мн. ч.: каприз – капризы, глупость – глупости [Чернейко, 2001].

Таким образом, подводя итог обсуждению морфологического своеобразия АИ / ОИ в отношении к грамматическому роду и числу, можно заключить, что *nomina abstracta* по мере их появления в древнегерманских языках органично вписались в уже имеющуюся структуру грамматической категории рода, которая базировалась на тесном переплетении морфологических и семантических признаков. Данные морфологического маркирования АИ / ОИ в трех древнегерманских языках свидетельствуют о том, что языковое поведение и классификация данного типа имен были обусловлены их проекцией на идеи количества и раздельности / нераздельности множества. Однако в связи с тем, что родовая классификация в и.-е. языках является вторичной по отношению к делению существительных по основам [Сизова, 2000. С. 109], следует искать причины тяготения АИ / ОИ к определенным типам склонения и, следовательно, родам еще глубже в морфологической структуре

слов, а именно в наиболее древних маркерах именных классов – основообразующих суффиксах.

Учитывая замечания, изложенные в предшествующем изложении, мы пришли к выводу о том, что отличительной внутрисистемной особенностью АИ/ОИ, которая закономерно и последовательно проявляется в поведении данной языковой единицы, является ее двусторонность (*double-edgedness*), двойственность. Именно эта характеристика АИ/ОИ позволяет диалектическому единству конкретного и абстрактного компонентов в семантической структуре данного типа имен реализовываться как в конкретных, так и неконкретных, обобщенно-отвлеченных значениях в контексте письменных памятников, избирательно и прагматически-обусловленно подходить к выражению идеи числа (исчисляемое / неисчисляемое), а также в языковом сознании говорящих интерпретироваться как предметное имя с образностью первого типа. Двойственность АИ/ОИ – это его имманентное качество, перманентно проявляющееся в сочетании и единстве противопоставленных начал.

Указанное свойство АИ/ОИ вынуждает исследователя учитывать разноуровневые особенности этих имен в процессе включения их в ЛГР АИ/ОИ в древнегерманских языках. Следовательно, выделение АИ/ОИ в древнегерманских языках должно представлять собой процесс их многоступенчатого анализа в соответствии со следующими критериями:

а) семантические (для установления отношения анализируемой лексической единицы к области умопостигаемого и выявления преимущественно сигнификативного характера ее значения);

б) морфологические (для выявления избирательности лексической единицы в отношении категорий числа и рода, а также определенного типа склонения);

в) словообразовательные (для поиска специальных аффиксов как маркеров значения «абстрактности»).

Только учет всех критериев в совокупности позволяет с высокой степенью надежности выделить имена существительные с абстрактной семантикой в древнегерманских языках.

Список литературы

Аксенов А. Т. К проблеме экстралингвистической мотивации грамматической категории рода // *Вопр. языкознания*. 1984. № 1. С. 14–25.

Аринштейн А. Г. Развитие и ареальное распределение словообразовательных моделей древнегерманских существительных со значением качества, свойства: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988. 24 с.

БЭС – *Языкознание*. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е (репринтное) изд. «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 г. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 685 с.

Вендина Т. И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // *Вопр. языкознания*. 2002. № 4. С. 42–72.

Вердиева З. Н. Семантические поля в современном английском языке. М.: Высш. шк., 1986. 118 с.

Виноградов В. А. Варьирование именных классификаций // *Языки мира. Проблемы языковой вариативности*. М.: Наука, 1990. С. 171–209.

Гвоздецкая Н. Ю. К проблеме выделения «имен чувств» в языке древнегерманского эпоса // *Логический анализ языка. Культурные концепты*. М.: Наука, 1991. С. 138–142.

Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969. С. 133–149.

Ершова И. А. Семантическая дифференциация древнегерманских существительных // *Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9. Филология*. 1969. № 3. С. 49–62.

Ершова И. А. Введение в германскую филологию. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. Вып. 3: Лексика древнегерманских языков. 68 с.

Жирмунский В. М. История немецкого языка. Л., 1965. 408 с.

Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

Кронгауз М. А. Семантика. М.: Academia, 2005. 352 с.

Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании картины мира // *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира*. М.: Наука, 1988. С. 141–172.

Кубрякова Е. С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова «память» // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 85–91.

Левицкий В. В. Семантический синкретизм в индоевропейском и германском // Вопр. языкознания. 2001. № 4. С. 94–106.

Логутенкова Т. Г. Исследование производных суффиксальных существительных с абстрактными значениями в древнегерманской переводной прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 24 с.

Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974. 172 с.

Маньков Е. А. Происхождение рода в индоевропейских языках // Вопр. языкознания. 2004. № 5. С. 93–106.

Мечковская Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. М.: Academia, 2004. 432 с.

Олейник В. А. Категория собирательности в готском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1986. 16 с.

Пименова Н. Б. Семантическая роль \bar{o} -основ в древнегерманском именном словообразовании // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9. Филология. 1998. № 1. С. 44–52.

Ревзин И. И. Структура языка как моделирующей системы. М.: Наука, 1978. 196 с.

Ревзина О. Г. Категория языка в поэтическом языке // Актуальные проблемы русской морфологии. М.: Наука, 1988. С. 67–73.

Русская грамматика. В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1–2. 1492 с.

Сизова И. А. Готский язык // Языки мира (германские языки, кельтские языки). М.: Academia, 2000. С. 101–127.

СГЯ – Сравнительная грамматика германских языков / Отв. ред. М. М. Гухман и др. М.: Наука, 1963. Т. 3. 455 с.

Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. М., 1979. Вып. 11. С. 142–148.

Уфимцева А. А. Лексическое значение. Принципы семасиологического описания лексики. М.: Наука, 1986. 240 с.

Феоктистова Н. В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1984. 188 с.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2003. 576 с.

Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997. 320 с.

Чернейко Л. О., Хо Сон Тэ. Концепты «жизнь» и «смерть» как фрагменты русской языковой картины мира // Филол. науки. 2001. № 5. С. 50–59.

Чернейко Л. О. Абстрактные и отвлеченные существительные в их отношении к категории числа // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2001. С. 467–487.

Шайкевич А. Я. Введение в лингвистику. М.: Academia, 2005. 400 с.

Языки мира. Германские языки. Кельтские языки. М.: Academia, 2000. 472 с.

Brugmann K. The nature and origin of the noun genders in the Indo-European languages: A lecture delivered on the occasion of the sesquicentennial celebration of the Princeton University. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1897.

Brugmann K. Kurze vergleichende Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Berlin; Leipzig, 1922. 774 S.

Lehmann W. P. On Earlier Stages of the Indo-European Nominal Inflection // Language. 1958. Vol. 34, № 2. P. 179–202.

Leiss E. Genus und Sexus. Kritische Anmerkungen zur Sexualisierung von Grammatik // Linguistische Berichte, 1994. Vol. 152. S. 281–300.

Pimenova N. Zur semantischen Leistung der nominalen Suffixe $\bar{i}(n)$ -, \bar{o} - in Althochdeutschen und im Gemeingermanischen // Sprachwissenschaft. Heidelberg: Universitätsverlag, C. Winter, 2000a. Bd. 25. H. 3. S. 297–334.

Pimenova N. B. Die semantische Distribution der Gotischen Abstrakta auf $\bar{e}i$ und $\bar{i}pa$ // Beitrage zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur, 2000b. Bd. 122. S. 3–22.

Schmidt H. J. English Abstract Nouns as Conceptual Shells. From Corpus to Cognition. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000. 457 p.

Unterbeck B. Gender: New light on an old category // Gender in Grammar and Cognition. Trends in Linguistics. Studies and Monographs 124. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000. P. XV–XLVI.

Материал поступил в редколлегию 25.09.2006